

Уроки и выводы из опыта Великой Отечественной войны

М. А. Гареев*

Обращаясь к событиям Великой Отечественной войны, мы еще раз осознаем, что в истории человечества есть годы, не укладывающиеся в рамки обычных календарных измерений, годы, которые по величию свершенных дел и воинских подвигов, по всенародному воодушевлению и напряжению всех сил страны равняются целым десятилетиям.

Такими годами, составившими важнейший этап в истории нашей Родины, были годы Великой Отечественной войны. Они предопределили не только судьбу народов нашей страны, но и спасли Европу и весь мир от угрозы фашистского порабощения. Это была всемирно-историческая победа, достигнутая совместными усилиями СССР, США, Великобритании, Китая и других стран антигитлеровской коалиции при решающей роли Советского Союза и его Вооруженных Сил.

Война эта складывалась для нас очень трудно. Были отчаянные трагические дни и ночи 1941 г., лета 1942 г., когда мы потеряли основную состав нашей кадровой армии и огромные территории. Были и выдающиеся победы под Москвой, Сталинградом, Курском, блестящие наступательные операции 1944–1945 гг., завершившиеся сокрушительным поражением фашистской Германии и империалистической Японии и продемонстрировавшие высочайший уровень советского военного искусства.

В последнее время за рубежом и в нашем Отечестве предпринимаются многочисленные попытки дискредитировать нашу победу,

изобразить дело так, что германские генералы и войска во всем действовали безупречно, а мы воевали бездарно. Поэтому вроде бы и победу нельзя считать за победу. Но итоги войны определяются тем, какие цели преследовали воюющие стороны и как они фактически достигнуты. Гитлеровцы хотели поработить нашу страну, лишить ее всякой государственности и обратить наши народы в рабство. Главная цель нашей страны состояла в том, чтобы отразить агрессию, освободить свою и другие оккупированные фашистами страны и покарать агрессора. И в итоге войны не фашистские войска пришли в Москву, Ленинград или Лондон, а советские войска и их союзники вступили в Берлин, Кенигсберг, Харбин и Токио. А фашистская Германия и его вермахт, Японская империя вообще перестали существовать.

Это главный исторически свершившийся факт, отменить который никому не дано.

Не надо забывать и о том, что нам противостояла, по существу, вся Европа с ее 350-миллионным населением и экономикой.

На советско-германском фронте фашистское военно-политическое руководство использовало подавляющую часть своих войск и войск европейских союзников. Ни на одном из фронтов в ходе Второй мировой войны не находилось столько личного состава и разнообразной военной техники, сколько было на советско-германском фронте. Здесь в течение всей войны действовало в среднем до 70 % дивизий фашистской армии.

* **Махмут Ахметович Гареев** — генерал армии, доктор военных наук, доктор исторических наук, президент Академии военных наук РФ.

Ни на одном из фронтов Второй мировой войны не было столь продолжительных, непрерывных и ожесточенных военных действий, как на советско-германском фронте. С первого до последнего дня, днем и ночью здесь шли кровопролитные сражения, которые в разное время охватывали или весь фронт, или значительные его участки.

Приняв на себя удар основных сил гитлеровской Германии и ее союзников, Советский Союз сыграл главную роль в их разгроме. Именно здесь решился исход Второй мировой войны. Советскими Вооруженными Силами было разгромлено 507 немецко-фашистских дивизий и 100 дивизий ее союзников, почти в 3,5 раза больше, чем на всех остальных фронтах Второй мировой войны.

На советско-германском фронте вооруженные силы Германии потеряли 10 млн (более 73 %) убитыми, ранеными и пленными из 13,6 млн общих потерь за войну. Здесь же была уничтожена основная часть военной техники вермахта: свыше 70 тыс. (более 75 %) самолетов, около 50 тыс. (до 75 %) танков и штурмовых орудий, 167 тыс. (74 %) артиллерийских орудий, более 2,5 тыс. боевых кораблей, транспортов и вспомогательных судов.

Советско-германский фронт не только отвлекал на себя основные силы вермахта, но и резко отличался от других продолжительностью вооруженной борьбы и напряженностью. Из 1418 дней его существования активные боевые действия сторон здесь велись 1320 дней. Все остальные фронты и театры военных действий характеризовались значительно меньшей напряженностью. Так, на северо-африканском фронте из 1068 суток его существования активные действия велись лишь 309 суток, а на итальянском — 492 из 663 суток.

Небывалым в истории был пространственный размах вооруженной борьбы на советско-германском фронте. С первых же дней она развернулась здесь на рубежах протяжением свыше 4 тыс. км. К осени 1942 г. фронт превысил 6 тыс. км. В целом протяженность советско-германского фронта была в четыре раза больше северо-африканского, итальянского и западноевропейского, вместе взятых. О глубине территории, на которой происходило военное противоборство Советской Армии с армиями фашистского блока, можно судить по тому, что советские войска прошли от Сталинграда до Берлина, Праги и Вены более 2,5 тыс. км.

Эта была величайшая победа, достигнутая в ожесточенной борьбе с очень сильными противниками. И главная задача всей нашей патриотической, воспитательной работы состоит в том, чтобы прочно закрепить в сознании общества и всего личного состава Вооруженных Сил и других войск величие и незыблемость этой победы. Это важнейший фундамент для построения новой России и ее движения вперед.

Президент РФ Д. А. Медведев издал специальный указ о мерах по противодействию фальсификации войны. И эту задачу должна решать не только созданная им комиссия, все мы должны активно участвовать в этой работе.

Главный смысл изучения опыта войны — это извлечение уроков и выводов для строительства и подготовки ВС в современных условиях. А это можно сделать только в том случае, если все эти явления будут рассматриваться в развитии, в их преемственной связи между собой, чтобы каждый офицер мог уяснить, как те или иные формы военной организации, способы их боевого применения возникли, как они и под влиянием каких обстоятельств совершенствовались и каковы тенденции их дальнейшего развития в будущем.

Иногда говорят, что мы не будем готовиться к прошлой войне, мы должны ориентироваться на будущее. В принципе это правильно. Готовиться к прошлой войне практически невозможно. Каждая война и бой уникальны и неповторимы, поэтому решения и действия должны быть другими. Основной закон военного искусства и состоит в максимальном соответствии решений и действий конкретно сложившимся условиям обстановки.

В чем тогда смысл изучения опыта войны, нашей конференции? Есть ли еще в опыте Великой Отечественной войны и опыте локальных войн что-то такое, что заслуживает внимания, и, вообще, до конца ли извлечены уроки из опыта этих войн?

Разумеется, различны политические цели и социально-экономические условия войн, которые ведутся в различные эпохи, несопоставимы мощь оружия и размах вооруженной борьбы и многие другие показатели.

Однако, несмотря на непрерывное развитие военного дела, невозможно отрицать существование если не «вечных», то во всяком случае живущих многими веками ценностей и положений, воинских доблестей, таких как творчество и новаторство, умение предвидеть развитие со-

бытий, выдержка и мужество, инициативность, смелость и решительность, которые в разные времена проявляются в различных условиях и формах, но во все времена не теряют своей ценности и значения.

В итоге возникает накапливаемый веками боевой опыт — сгусток военной мудрости, впитавший в себя все положительное и негативное, что было в военной истории, осмысливание и творческое использование которого незримо связывает между собой ратное дело разных поколений.

В США создан Институт стратегии, который изучает природу стратегии, долгосрочных действий вообще применительно к любой области деятельности — бизнесу, дипломатии, политике. Но за основу они берут военную стратегию, наиболее сложную сферу стратегической деятельности. Этот институт выпустил книгу «Стратегия управления по Клаузевицу», которая с интересом изучается и преподается во многих высших школах бизнеса и менеджмента.

Если высказанные 200 лет назад стратегические идеи актуальны и сегодня для бизнесменов, других гражданских специалистов, то тем более для нас — людей военных — боевой опыт 65-летней давности, наследие Жукова, Рокоссовского, Василевского и других полководцев тоже не может потерять своего значения. Кстати, и книгу Клаузевица «О войне» у него на родине не сразу признали. Она не нужна была прусской армии, ставшей подсобной силой у Наполеона. Когда Пруссия стала на самостоятельный путь развития, пригодилась и эта книга. Отношение к опыту войны и обороне страны зависит от того, как понимается главное предназначение армии.

С 20-х гг. прошлого века самым популярным стало изречение Лойда Джорджа о том, что генералы всегда готовятся к прошлой войне. Хотя и он сказал эти слова уже после Первой мировой войны, когда и генералам, и политикам стало ясно, что готовились не к той войне, которая реально состоялась.

Председатель правительства РФ В. В. Путин призвал нас не забывать военные традиции России. «В них, — говорил он, — опыт многих поколений офицеров, посвятивших себя ратной службе, обращение к этим истокам помогает нам решать и современные военные задачи»¹.

В свете этого рассмотрим — какие же уроки войны особенно актуальны для наших дней, какой опыт, о котором говорит В. В. Путин, может нам помочь решать современные задачи.

Во-первых, возьмем такой, казалось бы, старый, избитый вопрос о соотношении политики и военной стратегии. Он относится не только к деятельности высших сфер, но касается и судеб всех людей, кто в различных звеньях, в том числе на поле боя, выполняет принятые наверху политические и стратегические решения. В прошлом, если не считать некоторые отклонения во времена Мольтке-старшего, всегда был общепризнанным примат политики, ее главенствующее значение по отношению к военной стратегии. Вместе с тем всегда было очевидным, что политику нельзя превращать в самоцель, политики в чистом виде не существует, она жизненна, когда в совокупности учитывает все важнейшие факторы, в том числе и военно-стратегические, что надо считаться и с обратным влиянием стратегии на политику. Нежелание политического руководства считаться с этой объективной закономерностью, усугубленное коварной изощренной дезинформацией со стороны Гитлера, привело к катастрофе 1941 г., когда мы в начале войны потеряли основную часть нашей кадровой армии. Сталин хотел любой ценой оттянуть начало войны и этому все подчинил. На схеме № 1 Вы можете видеть незавершенность стратегического развертывания с нашей стороны. Сталин не разрешал приводить в боевую готовность войска первого эшелона, осуществлять мобилизацию; 13 июня 1941 г. последовало сообщение ТАСС о том, что никакого нападения со стороны фашистской Германии не ожидается. А командующие войсками округов, исходя из этого, отправляли на полигоны артиллерию и зенитные части, поскольку они после сформирования не разу еще не стреляли. Все хотели сделать как лучше...

В МИДе говорят, что это сообщение ТАСС было сделано для политического зондажа. Но ведь МИД и Генштаб могли договориться и предупредить об этом округа, флоты. Но это не было сделано.

До сих пор спорят о том: началась ли война внезапно или нет. Для тех, кто судит о событиях того времени, исходя из того, что сегодня известно и за свою сторону, и за противника, вроде бы и не должно было быть никакой внезапности. Но если поставить себя на место людей того времени, когда сам глава государства уверовал в то, что войны пока не будет, и требовал от всех исходить из этого, то тогда не трудно понять, почему начало войны, которую все ждали, оказалось

таким неожиданным. Политика предотвращения войны, не подкрепленная должной боевой готовностью Вооруженных Сил и четкой постановкой им задач, оказалась несостоятельной. Как определили задачу военным округам за несколько часов до войны: войска привести в боевую готовность, но «на провокации не поддаваться». Враг перешел границу, бомбит и стреляет. Что делать? Разве командир полка на поле боя должен отвечать на этот вопрос?

Но Бог с ним, так тогда случилось. Но извлечены ли уроки из этого?

В 1979 г., когда на Политбюро ЦК КПСС обсуждался вопрос о вводе войск в Афганистан, начальник Генштаба ВС Н. В. Огарков набрался мужества и выступил против этого. Ему Ю. В. Андропов ответил: «У нас есть кому заниматься политикой. Вы решайте поставленную военную задачу». Войскам, направленным в Афганистан, поставили задачу: выполнять интернациональный долг. До сих пор твердят о том, что мы в Афганистане должны были стать гарнизонами и не втягиваться в боевые действия. Но заведомо было ясно, что невозможно войскам придти в страну, где идет гражданская война, и попытаться остаться в стороне. По Чечне в 1994 г. в распоряжении правительства было сказано: «Разоружить бандформирования», — хотя войскам предстояло сражаться против хорошо вооруженной дудаевской армии. Не было введено даже военное или чрезвычайное положение, что поставило армию в сложное правовое положение. И, как видите, уроки из опыта 1941 г., хотя и затянувшиеся, рано или поздно надо извлекать. Последнее и решающее слово за политическим руководством, но в выработке важнейших военно-политических решений должны принимать участие и военные профессионалы, как и другие специалисты, иначе политика не будет жизненной. А главное, политики, дипломаты обязаны создавать благоприятные условия для действий Вооруженных Сил. В стратегии национальной безопасности РФ сказано, что Россия в деле обеспечения своей национальной безопасности приоритетное значение придает политико-дипломатическим, экономическим, информационным и другим невоенным средствам. Но эти средства, формы и способы обеспечения национальной безопасности должным образом не задействуются, и все кончается применением военной силы. При этом иногда не вводится даже чрезвычайное или военное положение,

что ставит офицера и солдата в сложное правовое положение.

Во-вторых, о боевой готовности и боеспособности войск (сил), о готовности к отражению первого стратегического удара противника.

Накануне войны в 1941 г. подготовленность страны в целом к обороне и боеспособность Вооруженных Сил были значительно выше, чем их боевая готовность. Поэтому всю мощь государства и армии в полной мере не удалось реализовать. У нас и сегодня в энциклопедиях и учебниках бытует определение, включающее в понятие боевой готовности и моральный дух, и обученность личного состава, и все другие вопросы. Но боеспособность и боевая готовность войск (сил) — это не одно и то же. Боеспособность — это степень их вооруженности, укомплектованности, рациональной организации и управления, обученности и морального состояния личного состава. Боевая готовность — способность немедленно приступить к выполнению боевых задач и с максимальной полнотой реализовать свои потенциальные боевые возможности.

В современных условиях значение своевременного приведения армии и флота в боевую готовность многократно возрастает. Ибо агрессор выбирает время нападения и заранее изготавливается для удара, а для страны, подвергшейся нападению, еще требуется время для приведения вооруженных сил в готовность для отражения агрессии или антитеррористических действий.

Но система специальных мероприятий по поддержанию постоянной боевой готовности войск, кроме, может быть, стратегических ядерных сил, у нас явно недооценивалась.

Казалось бы, опыт 1941 г. должен проучить нас на все времена. Но вот уже после войны случился, казалось бы, небольшой конфликт на о. Даманском и, чтобы отправить на усиление пограничников, один или два батальона всем округом собирали для них людей, средства связи, разведки. В более крупном масштабе это повторилось при отправке войск в Афганистан.

Во время Чеченских событий наспех тащили людей и технику не только из военных округов, но и ТОФ. Какая же это боевая готовность? В свете этого то, что сейчас создаются соединения постоянной боевой готовности, готовые немедленно приступить к выполнению боевых задач, является давно назревшим делом и это решение надо настойчиво проводить в жизнь.

Настало время по достоинству оценить решающее значение не только начального периода войны, но и прежде всего первого стратегического удара. Хорошо известно, в какое тяжелейшее положение попала наша армия в первые месяцы войны. Не случайно еще в мае 1941 г. Г. К. Жуков предлагал упреждающим ударом сорвать развертывание и готовившееся нападение германской армии, но его план не был принят Сталиным, так как он не соответствовал военно-политическим целям, направленным на оттягивание сроков начала войны. В ходе Маньчжурской стратегической операции наш первый ошеломляющий удар предопределил разгром Квантунской армии и успех всей операции.

И сегодня в деле борьбы с терроризмом руководители ряда стран все больше говорят о необходимости упреждающих, превентивных ударов.

С учетом всего этого, как показывает опыт войны в районе Персидского залива, в Югославии, Афганистане, Ираке, противостоять первому массированному удару, ориентируясь только на ответные действия, невозможно. Формально оборонительный характер военной доктрины исключает возможность первым начинать военные действия. Но это не значит, что при нападении противника мы всегда должны ориентироваться только на ответные оборонительные действия.

При хорошо поставленной разведке, установив приготовления противника к нападению, можно заранее привести в боевую готовность ударные средства и буквально с первых минут военных действий нанести ответно-встречные удары по его ракетным, авиационным и морским дальнобойным средствам. Построение и организация такой операции имеют много особенностей, и их нужно разрабатывать и осваивать применительно к современным условиям.

Особое значение имеет поддержание высокой боевой готовности войск и сил флота, чтобы все боевые элементы и средства управления, обеспечения и спасения всегда были готовы к применению.

В теории у нас много и правильно говорится, что каждый солдат должен знать и видеть обстановку в реальном масштабе времени, но примеры с 12-й погранзаставой в Таджикистане в 1993 г., 6-й десантной роты, двое суток сражавшейся в одиночку, не получая поддержки от вышестоящих инстанций, события в Ингушетии

и Южной Осетии 2008 г. показывают, как еще далеко до этого.

Все это еще раз говорит о том, что вопросы боевой готовности надо не растворять среди других вопросов боеспособности войск (сил), а выделять их и держать на первом плане. И для этого требуется не только создание частей боевой готовности, но и всемерное повышение ответственности командующих, командиров и штабов в войсках и на флотах за поддержание постоянной боевой готовности войск.

Третий вопрос — о предвидении характера вооруженной борьбы будущего.

Наша довоенная военная теория относительно надвигавшейся войны многое предвидела в основном правильно. И масштабы этой войны и что для ее ведения потребуются мобилизация всех сил и возможностей страны, массовые многомиллионные армии, оснащенные авиацией, танками и другим современным вооружением.

В принципе признавалось, что необходимо рациональное сочетание как «стратегии измора», так и «стратегии сокрушения». Была разработана «теория глубокой операции». Под эти доктринальные взгляды была создана соответствующая материальная и духовная база. Проведена индустриализация страны, создана мощная промышленная база. Достаточно сказать, что, несмотря на все потери 1941–1942 гг., в 1943 г. наша промышленность производила ежедневно 100 боевых самолетов.

В короткие сроки были сформированы новые авиационные и танковые соединения. Но к началу войны они не были полностью укомплектованы личным составом, боевой техникой, особенно низкой была укомплектованность автотранспортом. Хронической старелой болезнью была и остается на сегодня недооценка создания ремонтных подразделений, вообще полевой ремонтной базы. В 1941 г. во вновь создаваемых соединениях была крайне недостаточной боевая выучка экипажей танков и самолетов. В 1940–1941 гг., когда шло массовое развертывание новых формирований, надо было усиленно заниматься их боевой выучкой. Но Наркомат обороны и Генштаб издавали директиву за директивой об ограничении расхода и экономии ГСМ. У немцев был железный закон: ни при каких обстоятельствах, ни при какой срочности формирований не сажать на боевую технику неподготовленные экипажи. У нас, к сожалению, это не всегда соблюдалось. Историки до сих пор недоумевают по поводу

массовых потерь танков и другой боевой техники в начале войны. Но до 50–60 % танков вышли из строя до выхода соединений в районы предназначения или на рубежи развертывания для контрударов исключительно из-за слабых навыков механиков-водителей, из-за невозможности устранить даже незначительные неисправности в ходе марша. Извлечены ли уроки из этого? Если Вы сегодня сравните, какой процент занимают подразделения, занимающиеся ремонтом, снабжением ГСМ и боеприпасами у американцев и у нас, Вы увидите, что у нас эта сторона дела по-прежнему недооценивается.

Если говорить об оперативно-стратегической стороне дела, то наша теория и практика имели совершенно смутное представление о том, как может сложиться начальный период войны, как должны действовать войска в случае внезапного нападения противника.

Предполагалось, что все будет происходить, как и в Первую мировую войну, когда в ходе приграничных сражений, под прикрытием передовых соединений будут осуществляться от мобилизованные и развертывание основных сил для решающих сражений. Но в 1941 г. нашим приграничным округам противостояли заранее от мобилизованные и развернутые группировки немецких войск, готовые в любой момент нанести удар. По своему оперативному положению наши войска не были в полной мере готовы ни к обороне, ни к наступлению. Причем опыт показывает, что командующим, командирам еще в мирное время надо не только теоретически намечать себе схему предстоящих действий, но и реально в живом виде осмыслить, как будет действовать противник и как организовать действия своих войск.

После войны на одном из командно-штабных учений на Дальнем Востоке под руководством маршала Р. Я. Малиновского генерал В. Ф. Маргелов докладывал решение на десантирование воздушно-десантной дивизии на один из островов. По окончании доклада один из генералов задал ему вопрос: «Скажите, а сколько потребуется времени для повторного десантирования Вашего корпуса?»

Командир корпуса долго молчал, а затем со вздохом отметил: «Мы в 1941 г. один корпус уже высадили под Вязьмой. Так он до сих пор собирается». Какой вопрос, такой и ответ. Но главная моя мысль состоит в том, что самое опасное в военном деле бесплодное теоретизирование

и фантазирование в отрыве от жизни, в отрыве от реальных обстоятельств.

И сегодня нередко говорят и пишут в разных статьях, что будущая война будет носить высокоманевренный характер, не будет никаких сплошных фронтов, следовательно, не придется заниматься и прорывом обороны, все цели будут поражаться высокоточным оружием по мере их обнаружения, поэтому отпадает необходимость в артиллерийской или авиационной подготовке, вообще в организации централизованного огневого поражения. Возможно, война так и начнется. Ведь так начинались и Первая и Вторая мировые войны, Корейская война в 1950-х годах и другие. С началом военных действий противостоящие стороны стремятся в первую очередь использовать разрывы в построении войск, выйти во фланг и тыл противника. Ни одна из сторон не хочет, чтобы по тылам и коммуникациям, районам расположения аэродромов разгуливали рейдовые отряды противника.

Возникает необходимость прикрыть разрывы и открытие флангов и, если война затянется, то на некоторых стратегических направлениях на определенное время может образоваться относительно сплошной фронт.

Тогда может потребоваться и прорывать оборону и осуществлять централизованное огневое поражение противника и т.д.

Установки на то, что все огневые средства противника надо уничтожать высокоточным оружием немедленно, по мере их обнаружения, — это тоже хорошее пожелание. Но боеприпасов на любой войне как не хватало, так не будет хватать, тем более к высокоточному оружию. Поэтому важнейшие огневые задачи нужно будет решать периодически. Дело другое, что формы и способы решения этих задач будут существенно меняться и их потребуется решать по-новому.

После Гражданской войны некоторые архиреволюционные идеологи бросили клич, что надо полностью отказаться от позиционных форм ведения боя, отказаться от рытья траншей и ходов сообщения.

Говорили: «Революционно сознательный боец может сидеть в отдельной ячейке и самостоятельно решать боевые задачи, ему не нужны траншеи и вообще стыдно от пуль прятаться».

Но с началом войны оказалось, что по открытому полю, без траншей и ходов сообщений с этим революционным бойцом невозможно общаться командирам и политработникам, подать

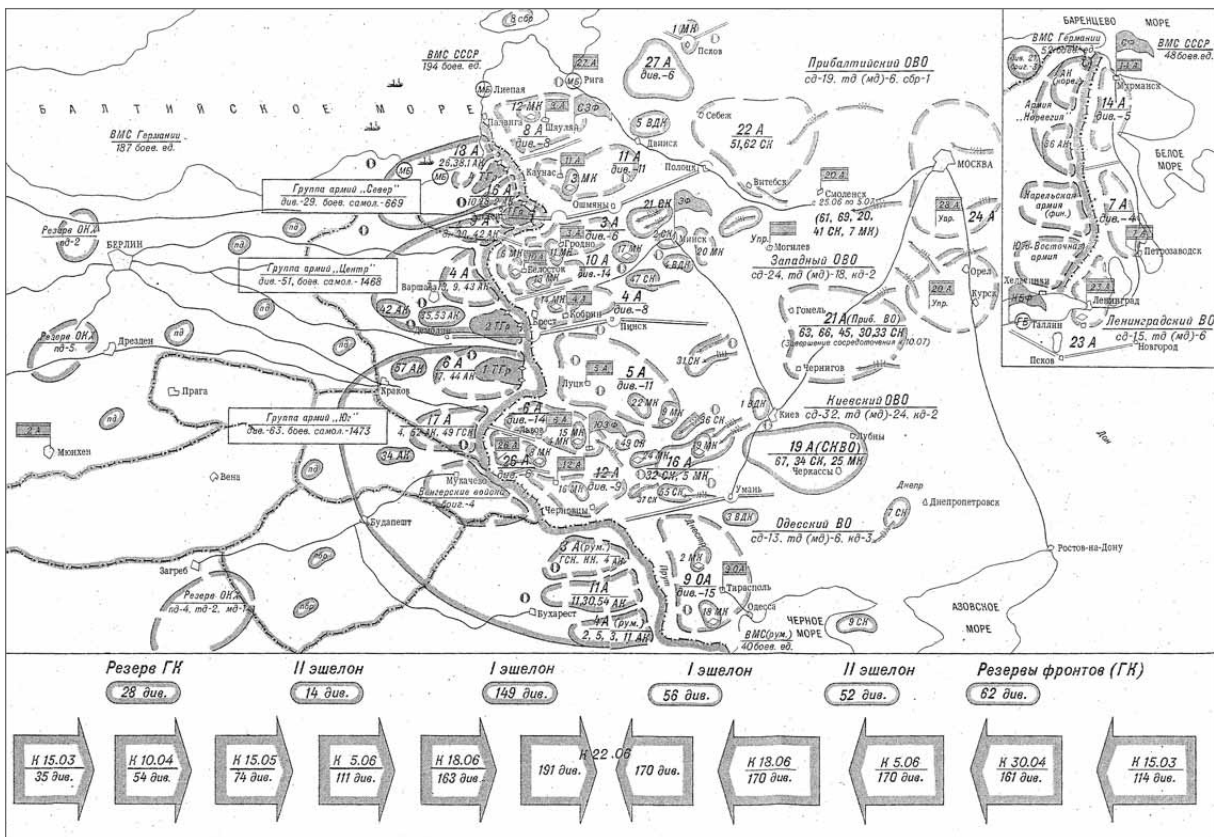
ему пищу и боеприпасы, вытащить его в случае ранения, маневрировать огневыми средствами, не говоря уже о том, что все это приводило к неоправданным потерям личного состава. Опыт всех войн показал, какая это спасительная сила — земля, и в нее надо уметь вгрызаться при всякой имеющейся возможности. Это обеспечивает и живучесть войск и техники. Это особенно важно при современных средствах поражения.

В наше время вполне обоснованно говорится о сетевом подходе к организации и ведению военных действий. Это, конечно, исключительно прогрессивное дело, которое надо и теоретически разрабатывать, и практически осваивать, а главное, создавать для этого необходимую технологическую основу. С учетом этого, как в общих чертах рисуется характер будущих войн и операций? Эталон, вершиной военной мысли и практики считается война стран НАТО против Югославии. Суть ее в том, что дальнебойным, высокоточным оружием наносятся удары по центрам управления, мостам, дорогам, другой инфраструктуре, по больницам, школам, делают главным заложником мирное население и вынуждают страну капитулировать. Говорят, что для ударов по сухопутным войскам не будут даже тратить боеприпасы.

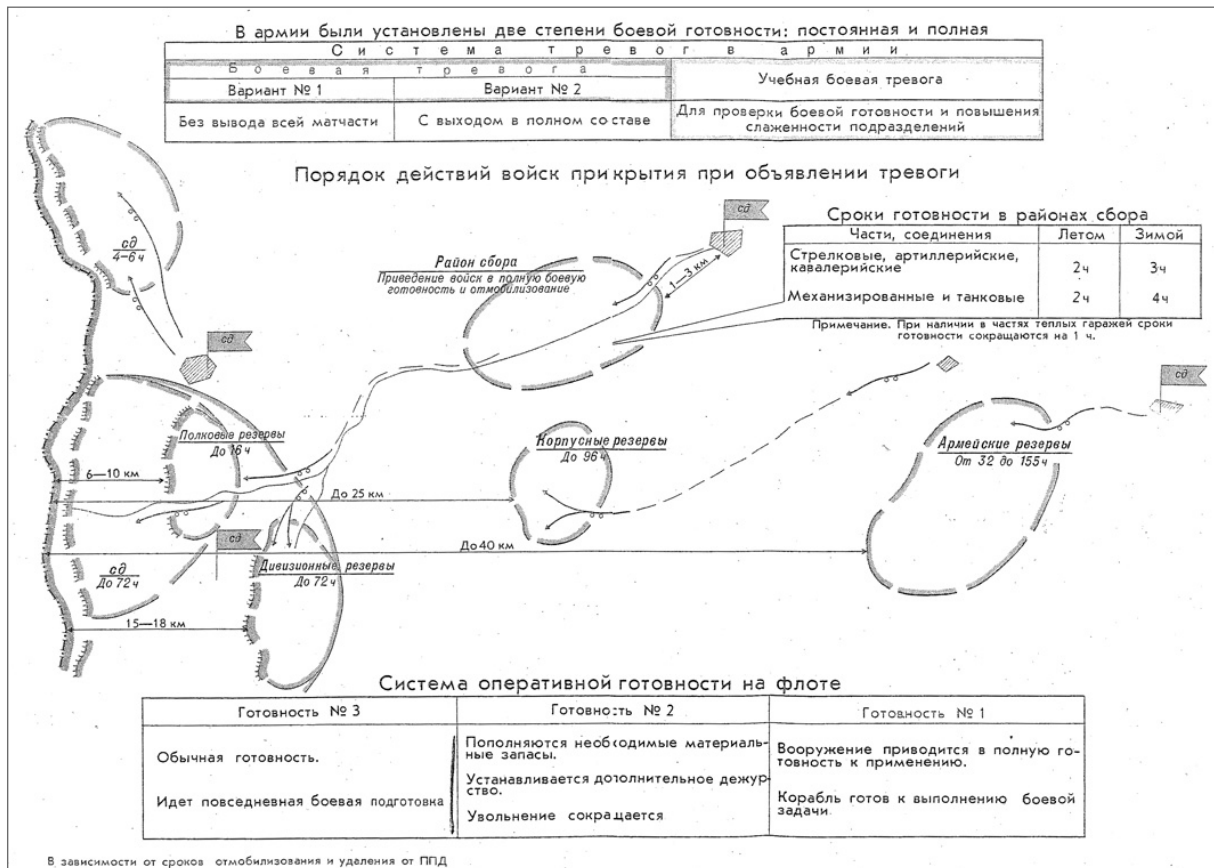
И вот возникает вопрос: если такая теория войны является наиболее «передовой» и «эффективной», то почему мы в августе 2008 г. таким, с позволения сказать «демократическим» способом не воевали с грузинскими агрессорами. Фактически боевые действия там мало отличались от того, что было в прошлую войну. В соответствии с канонами такой «сетевидной войны» мы должны были бы никаких танковых контратак не предпринимать, сухопутные войска вообще не задействовать, разбомбить Тбилиси, Кутаиси, Батуми, Поти, другие города, разрушить все коммуникации, заставить Грузию капитулировать. Почему мы так не сделали?

Во-первых, видимо, потому, что это не входило в политические цели войны с нашей стороны. Ставилась задача защитить наших миротворцев и российских граждан. И, конечно, из гуманитарных соображений. Такой способ ведения войны, который был применен против Югославии, — это разбой и ООН когда-то должна объявить запрет на такие варварские действия.

Во-вторых, нам пока нечем так воевать, не хватает еще многих средств, необходимых для ведения действительно сетевидной войны. Даже американцы планируют создать техническую базу для этого — к 2015 г.

Стратегическое развертывание Вооруженных Сил Германии и СССР в 1941 г.

Система боевой готовности в армии и на флоте накануне Великой Отечественной войны

В-третьих, если говорить откровенно, нам бы никто и не позволил так воевать против страны, готовящейся к вступлению в НАТО. Реакция в мире была бы самой непредсказуемой. Для того чтобы так решительно действовать, нужна готовность не только к локальным войнам, но и более прочный запас политических, экономических, информационных и военных ресурсов. Однобокий подход к этим вопросам возникает из-за того, что характер вооруженной борьбы прогнозируется исходя только из применяемых военных технологий и недостаточно учитывается влияние геополитических, военно-политических факторов, изменения в человеческом материале.

Все это говорит о том, что при разработке самых передовых современных теоретических и доктринальных установок нужно строже сверять их с жизненными обстоятельствами, более внимательно прислушиваться и учитывать глубинные закономерности развития военного искусства, под влиянием каких факторов возникают новые формы и способы вооруженной борьбы.

При всех обстоятельствах следует не забывать, что в области военной науки есть как подлинно научная информация, так элементарная дезинформация, которая распространяется

в том числе некоторыми отечественными неправительственными организациями и «экспертами», чтобы увести нас в сторону от пути истинного. Во всяком случае, не надо заблуждаться и искать какие-то высокие материи там, где все более банально и просто.

Какой бы туман не напускали вокруг, например, иракской войны 2003 г., на деле совершенно очевидно, что в этой войне самым эффективным «высокоточным оружием» были доллары. Все там было продано и куплено. Сейчас американцы таким же путем хотят умиротворить Афганистан. На какое-то время это даст результаты, но не надолго. В стране, где мало кто работает, денег на все времена не напасешься.

Особо хотелось бы сказать о наступлении и обороне. Опыт Великой Отечественной войны убедительно показал, что объективно основным способом боевых действий может быть только наступление. Без наступления невозможно достичь победы. Однако для успешного ведения войны нужно умелое сочетание как наступательных, так и оборонительных действий. Но к обороне тоже надо относиться серьезно. За недооценку обороны нам в начале войны пришлось тяжело расплачиваться.

Иногда говорят, что в начале войны советские войска вообще не собирались обороняться, а сразу же должны были переходить в наступление. Но это не так. По имеющимся оперативным документам, воспоминаниям участников войны видно, что в действительности приграничные военные округа имели задачу силами армий прикрытия отразить наступление противника и затем вводом в сражение основных сил переходить в наступление.

Как видите, обороняться собирались. Но неправильно представляли себе характер оборонительных операций. Оборона рассматривалась как кратковременные действия по отражению вторжения противника с быстрым переходом в наступление. Оборона в стратегическом масштабе с использованием основных сил вообще не предусматривалась. К таким действиям пришлось переходить уже в ходе войны под давлением неблагоприятно сложившихся обстоятельств. Не учитывалось, что отражение превосходящих сил противника невозможно осуществить на коротке лишь частью сил. Для этого требуется ведение целого ряда напряженных и длительных оборонительных операций и сражений.

Как уже отмечалось, с началом войны большинство дивизий первого эшелона вообще не успело выйти на установленные рубежи и занять оборону. Например, 175-я стрелковая дивизия с началом войны совершала марш-бросок на встречу развернутым в боевой порядок танковым частям противника.

Если бы дивизии 1-го эшелона успели это сделать, то смогли бы оказать противнику более организованное сопротивление, чем это получилось в начале войны. Но, говоря объективно, и при этом условии наши стрелковые дивизии, слабо оснащенные противотанковыми средствами (как показано на схемах всего четыре орудия на 1 км фронта), были не в состоянии противостоять ударам артиллерии, танков и пехоты противника, который на направлениях своих ударов создавал 5–6-кратное превосходство в силах и средствах. Об этом можно судить по примеру Курской битвы в 1943 г. Как известно, там мы не вынужденно, а заранее преднамеренно переходили к обороне, имея общее численное превосходство над противником, создали глубокоэшелонированную оборону на глубину до 150–200 км с высокой плотностью артиллерии и противотанковых средств. Но, несмотря на все это, немецко-фашистским войскам в полосе Воро-

нежского фронта удалось прорваться на глубину до 30–35 км, и, если бы не силы Степного фронта — резерва Ставки ВГК, они, возможно, могли бы продвигаться и дальше. Какой же урок мы извлекли из всего этого? В наших современных уставах, энциклопедиях, учебниках записано, что оборона — вид военных действий, применяемый с целью отражения... наступления превосходящих сил противника. Значит, оборона заведомо рассчитывает на решение задач меньшими силами. В печати нередко можно встретить утверждения, что для обороны достаточно иметь в 2–3 раза меньше сил и средств, чем у наступающего, что вообще при оборонительном характере военной доктрины можно обойтись минимально необходимой армией. И совсем не реагировать на все это нельзя. Эти вопросы касаются не только ВС. Мы призваны способствовать формированию правильного общественного мнения по этим проблемам. Но главное в том, что ни опыт Первой, ни Второй мировых войн такие утверждения не подтвердил. За время этих войн не было ни одной успешной оборонительной операции, проведенной значительно меньшими силами, чем у наступающего противника. Конечно, когда сил и средств недостаточно, нет другого выхода, как переходить к обороне и определенное время удерживать занимаемый рубеж. Но если противник переходит в наступление с решительными целями, то, располагая значительно меньшими силами, остановить его и тем более сорвать наступление и нанести поражение наступающему противнику далеко не всегда осуществимо. В 1941–1942 гг. удавалось остановить наступление противника лишь после длительного отступления на сотни километров и ввода в сражение свежих резервов. В ходе оборонительной операции на сталинградском направлении из резерва Ставки было переброшено 87 новых соединений — это в 2 раза больше, чем было к началу оборонительной операции. Возможно отражение атак превосходящих сил противника в обороне в тактическом звене. Но в оперативно-стратегическом масштабе при наличии мощных средств огневого поражения и высокой маневренности войск авиации наступающий, владея инициативой, имеет возможность создавать многократное, подавляющее превосходство на избранных направлениях, и для парирования его глубоких прорывов нужны достаточно крупные силы. Поэтому, как показал опыт

войны, для проведения оборонительной операции, рассчитанной на успешное отражение и срыв крупного наступления противника, требуется не намного меньше сил и средств, чем для наступления. Это подтвердилось и в оборонительных операциях у озера Балатон в конце войны. Весь этот опыт желательно учитывать при организации обороны в современных условиях.

Исходя из опыта прошлых войн в деле военного строительства прежде всего необходимо определиться, для ведения каких войн и для решения каких оборонных задач необходимо строить и готовить Вооруженные Силы и другие войска. В соответствии с новой военной доктриной для российских Вооруженных Сил и других войск первоочередной становится готовность к выполнению боевых задач в локальных войнах, вооруженных конфликтах и антитеррористических операциях. При этом следует иметь в виду, что и локальные войны, и конфликты в наше время порою носят далеко не ограниченный характер. В корейской войне с обеих сторон участвовало 2,5 млн человек. В зоне Персидского залива в 1991 г. — 10 тыс. танков. Это больше, чем в Берлинской операции в 1945 г. Да и борьба с террористами ведется не только мелкими группами. Они могут захватывать целые страны, как это случилось в Афганистане. При определенных обстоятельствах возможно возникновение и крупномасштабной региональной войны, непосредственной угрозы которой пока нет, но полностью ее исключать нельзя.

С учетом всего этого необходимо, **во-первых**, при всех обстоятельствах сохранить нашу ядерную мощь; **во-вторых**, создать единую систему воздушно-космической обороны; **в-третьих**, уделить должное внимание и развитию сил общего назначения — ВВС, ВМФ, Сухопутных войск.

Суждения о ненужности сухопутных войск в современных условиях носят дезинформационный характер. Даже для оккупации такого сравнительно небольшого государства, как Ирак, США вынуждены собирать силы со всех концов мира (35 стран). При огромной территории России, при усилении угрозы на востоке и юге, где делается основная ставка на наземную составляющую военной силы, наша страна без достаточно сильных группировок сил общего назначения обойтись не может.

В-четвертых, в дополнение к производимым в настоящее время организационным пре-

образованиям обеспечить мобилизационную готовность Вооруженных Сил к ведению крупномасштабных войн.

Вполне понятно, что в деле военного строительства приходится исходить из определенных, установленных государством рамок, ресурсов, численности ВС. Вместе с тем оборонные задачи существуют объективно и их отменить невозможно. Как показала война, если Вы по каким-то соображениям снимаете те или иные оборонные задачи, то в реальной жизни Вы все равно с ними столкнетесь, их поставит перед Вами противник, сама жизнь. И военную организацию необходимо строить исходя именно из реальных угроз и вытекающих из них оборонных задач, а не на основе подготовленных так называемым «экспертным сообществом» 10–15 отвлеченных принципов, одинаково годных как для США или Китая, Бельгии и Люксембурга, так и тем более для России с ее уникальным геополитическим положением.

Решения правительства при всех обстоятельствах положено выполнять, но никто не может нам запретить искать альтернативные пути более экономного и эффективного решения оборонных задач.

Например, несмотря на все раздающиеся сейчас порицания в адрес мобилизационных факторов и методов ведения войны, приходится признать, что Великую Отечественную войну мы выиграли за счет тотальной мобилизации всех материальных и духовных сил страны. Как это не прискорбно, не кадровая, а, по существу, заново отмобилизованные в ходе войны Вооруженные Силы привели нас к победе.

Уже упоминалось, с каким трудом пришлось собирать по крохам силы и средства для доукомплектования частей во время первой чеченской войны. Даже опыт локальных войн показывает, что в серьезной войне регулярной, кадровой армии может хватить на одну-две недели войны. Затем ее надо подкреплять новыми силами и средствами.

В новых планах по приданию ВС нового облика мы, безусловно, получаем, особенно в сухопутных войсках, ряд преимуществ с точки зрения повышения боевой готовности соединений, мобильности и гибкости управления ими. Но отсутствие полноценных комплектов артиллерии, средств ПВО, авиации, инженерных войск в оперативно-стратегических и оперативных объединениях существенно снижает огневую мощь группировок ВС на важнейших

стратегических направлениях. Вообще недооценивается необходимость мобилизационной подпитки ВС.

На наш взгляд, мобилизационную компоненту необходимых на время войны вооруженных сил можно было бы создать путем использования американского опыта создания организованного резерва и национальной гвардии, которые содержатся вне установленной для вооруженных сил численности.

Особенно это важно для формирования артиллерийского резерва ВГК. Известно, что во время войны в наших стрелковых дивизиях было меньше артиллерии, чем в германских дивизиях. Но за счет формирования и умелого использования артиллерии РВГК, усиления ею ударных группировок, действующих на главных направлениях, мы добились того, что в итоге в Советской Армии постоянно активно воевало около 60 %, а в немецко-фашистской армии не более 48 % всей артиллерии. Это давало нам большое преимущество.

Для всех очевидно и то, что существенно изменяются способы ведения вооруженной борьбы. Прежде всего изменяется соотношение прямых и не прямых действий в стратегии. Непрямые действия, связанные с политическим, экономическим и морально-психологическим воздействием на противника, со способами его дезинформации и подрыва изнутри, всегда играли большую роль. Но в условиях господства идей тотальной войны прямые действия и кровопролитные сражения нередко превращались в самоцель, отодвигая на второй план все другие. В современных условиях, когда ядерное оружие ограничивает стратегические цели, роль упомянутых выше не прямых действий значительно возрастает. Речь идет о большей гибкости военного искусства и более полном использовании всего разнообразия средств и способов действий, в том числе невоенных и нетрадиционных.

Есть основание полагать, что контуры вооруженной борьбы будущего еще достаточно четко не определились и, по крайней мере, в военной печати они рассматриваются однобоко. Операции, проведенные вооруженными силами США и других стран НАТО в Ираке, Югославии, Афганистане, носили, по существу, односторонний характер. И еще далеко не ясно, какой характер приобретут военные операции при более высоком уровне применяемых технологий и более активных, решительных действиях другой

стороны. Например, во Вьетнаме из запущенных противолокационных ракет «Шрайк» вначале каждая вторая, а затем только каждая третья-четвертая попадали в цель, а 18.04.1971 г. в зоне Суэцкого канала из запущенных израильянами 72 ракет цели достигла лишь одна. Потому что там были включены на фронте 100 км более 150 различных РЛС, и «шрайки» начали терять цель.

Конечно, такие новые явления, как бесконтактные операции, существенно меняют характер вооруженной борьбы и при пассивном сопротивлении, как это было в районе Персидского залива или Югославии, приводят к неизбежному поражению другой стороны. И это надо учитывать. Вместе с тем совершенно недопустимо, когда дело изображается таким образом, что будущая война обязательно будет носить односторонне-полигонный характер, где жертва агрессии непременно обречена на поражение.

Такая точка зрения ориентирует на обреченность и капитулянтство, бесполезность сопротивления технологически превосходящему противнику.

На наш взгляд, в научной работе и в системе боевой подготовки с офицерами желательнее более реалистично изучать эти новые явления, не впадая в крайности, и искать обоснованные ответы на ряд возникающих весьма сложных и трудных вопросов. Но уже сейчас со всей очевидностью проглядывается два направления, которых мы должны придерживаться: прежде всего настойчиво добиваться принятия кардинальных решений в государственном масштабе, направленных на создание и развитие своих дальнебойных высокоточных видов оружия в СВ, ВВС и ВМФ. При этом недостаточно формально определить приоритеты, нужна такая же решительная концентрация финансовых и интеллектуальных сил, как это было сделано в послевоенные годы при создании ракетно-ядерных средств. Основной упор сделать на средства РЭБ и другие более дешевые асимметричные средства вооруженной борьбы.

Одновременно разрабатывать и осваивать более активные, решительные способы стратегических и оперативно-тактических действий, навязывать противнику такие действия, в том числе контактные, которых он больше всего избегает. Достаточно вспомнить, как в 1941 г. советское командование, несмотря на потери значительной части авиации и вынужденное

отступление в глубь страны, ухитрялось наносить удары по Берлину и Кенигсбергу. Важно не пасовать и преисполниться решимостью до конца сопротивляться агрессору.

В современных условиях главным в боевых действиях будет не столкновение передовых подразделений, а огневые удары издалека. Но это относится не только к дальнобойным стратегическим средствам. В прошлой войне мы даже удары артиллерии, авиации сосредоточивали на участках прорыва. В наше время надо стремиться более полно использовать возможности оперативно-тактических средств для нанесения упреждающих ударов по противнику на максимальных дальностях.

При применении вооруженных сил для борьбы с террористами необходимо, с одной стороны, активные, упреждающие действия и удары, с другой — высочайшая бдительность всего личного состава, надежная охрана и оборона всех государственных, общественных и других объектов на территории страны и всех элементов оперативного построения войск, базирования флота, коммуникаций, аэродромов, пунктов управления, объектов тылового и технического обеспечения, что совершенно недостаточно учитывается. В этом отношении российская армия традиционно уязвима. Нашу армию во время войны в большинстве освобожденных нами стран население всюду хорошо встречало, оказывало всяческую поддержку, и наши командиры не приучены к жесткой обороне и охране своих тылов, как к этому были приучены нашими партизанами немецко-фашистские войска. Некоторые тыловые органы и учреждения привыкли к тому, что им для охраны должны выделяться боевые подразделения. В современных условиях на это надеяться нельзя, и поэтому нужен коренной поворот в сознании всех военнослужащих.

Каждый элемент боевого порядка, штабы, тыловые и технические органы должны быть обучены охране, обороне и активной борьбе с террористами самостоятельно, ни на кого не надеясь.

В-пятых, об извлечении уроков из опыта войны в области управления войсками (силами). Система управления войсками, как известно, включает в себя органы, пункты управления, систему связи и автоматизации.

В послевоенные годы все эти элементы управления получили значительное развитие. Относительно органов управления это касалось,

прежде всего, их состава и организационной структуры. Но в новой структуре оперативных объединений и отдельных бригад не в полной мере учитывается, что в боевой обстановке во всех соединениях придется создавать КП и ПКП. И численность оперативного состава должна обеспечивать круглосуточную работу на этих пунктах управления. В целом изменения в системе управления меньше всего коснулись такой части управленческой деятельности, как методы работы командования и штабов, где не было учтено даже многое из того, что мы приобрели во время войны.

Прежде всего у нас существует очень сложная и громоздкая оперативная и боевая документация. Во время Великой Отечественной войны во многом от этого бюрократизма отказались. Оперативная и боевая документация стала более компактной и четкой. Но в послевоенные годы вновь возобладали некоторые архаизмы в этой области. Это нашло отражение в существующих сегодня уставах и наставлениях и не только по боевой деятельности, но и по организации службы войск в мирное время.

Изготовление таких документов отнимает у органов управления много времени в ущерб главной организаторской деятельности по выполнению поставленных задач. Кроме того, затрудняется пользование ими и особенно своевременная передача по средствам связи и доведение до исполнителей.

Несколько лет назад, после окончания стратегического КШУ на Дальнем Востоке, мы пошли на узел связи одного из округов и обнаружили, что более 50–60 % распоряжений и других документов, направленных начальниками родов войск и служб в подчиненные штабы, лежат неотправленными. Некоторые из начальников, «отдавшие» эти документы, даже не интересовались, дошли они до подчиненных или нет. Вместе с начальниками служб фронта поехали в одну из привлеченных на учение танковых рот. Попросили заместителей командующего по вооружению, по тылу и других зачитать свои распоряжения и посмотреть в роте, что практически выполнено по техническому обслуживанию, созданию запасов воды, обеспечению танков средствами повышения проходимости. Но никто в роте не знал, что из всего этого что-то надо делать. А ведь на практике, если даже задачи до подчиненных дошли, сколько еще надо работать, чтобы добиться их выполнения!

В приказе Ставки ВГК в 1942 г. было сказано: «...причина неудач наших войск на Керченском полуострове заключается в бюрократическом и бумажном методе руководства войсками со стороны командования фронта и т. Мехлиса. Товарищи Козлов и Мехлис считали, что главная их задача состоит в отдаче приказа; и что изданием приказа заканчивается их обязанность по руководству войсками. Они не поняли того, что издание приказа является только началом работы и что главная задача командования состоит в обеспечении выполнения приказа, в доведении приказа до войск, в организации помощи войскам по выполнению приказа командования...»

Какие уроки из опыта войны мы извлекли, если то же самое повторилось в 1994 г. в Грозном при вводе в бой 131-й Майкопской бригады, если на учениях не только не организуется выполнение приказов, а эти приказы даже не доходят до подчиненных.

Дело еще в том, что громоздкие документы, чрезмерно усложненные условные знаки изображения обстановки на картах и дисплеях перегружают память компьютеров, АСУ излишними деталями, снижают коэффициент их полезного действия и вообще затрудняют разработку и внедрение средств автоматизации в процесс управления войсками.

Говоря о методах работы командования и штабов, хотелось бы обратить внимание и на такой никому не нужный формализм, как длительные и пространные доклады оценки обстановки и предложений по решению, заслушивание решений и указаний по взаимодействию и обеспечению операций. В них, как правило, много общих теоретических положений, но мало того, что относится к конкретному делу.

Так, в методической разработке Общевойсковой академии по морально-психологическому обеспечению боя заместитель командира по воспитательной работе за два часа до ввода полка в бой докладывает следующие предложения командиру полка: «Задачами морально-психологического обеспечения наступательного боя определить: актуализацию у личного состава патриотических чувств, верности воинскому долгу, стремления отстаивать интересы русского народа и разгромить агрессора... создание условий для поддержания позитивных эмоциональных состояний... для полковой артиллерийской группы — актуализацию готовности личного состава к эффективной поддержке наступающих войск...» и т.д. Теперь представьте

себе, что Вы командир полка и Вам перед вводом полка в бой предлагается «оптимизировать» и «актуализировать» готовность личного состава. Как вы все это должны принять и реализовать? Или, скажем, какой смысл, когда начальник связи сидит и пишет проект указаний, которые должен дать ему начальник штаба. Все понимают бессмысленность всего этого. Но говорят: «Так положено». Возьмите наши боевые уставы. Ведь в них основное внимание уделяется не рекомендациям, как командиру, штабу рационально работать по организации боя, а излагается в основном структура и примерное содержание основных боевых документов. Таким образом, мы готовим (особенно в вузах) не командира или начальника рода войск — организатора боя, а в лучшем случае — штабного офицера, умеющего изготавливать документы.

Не только во время Великой Отечественной войны, но и в Афганистане или в Чечне не могло быть такого, чтобы большая группа генералов, офицеров выходила на передний край и на виду у противника часами занималась отдачей боевого приказа или организацией взаимодействия. В боевой обстановке это просто невозможно. Но для чего же тогда мы продолжаем учить офицеров на учениях и в вузах такой практике работы?

При подобных формально-бюрократических методах работы командования и штабов, когда управленческая деятельность сама по себе, а действия войск сами по себе, процесс управления войсками выхолащивается, омертвляется, он начинает функционировать на холостом ходу, и в конечном счете цель управленческой деятельности не достигается.

Поэтому современным офицерам с точки зрения приближения методов своей работы к боевой действительности, может быть, стоит еще раз внимательно приглядеться к тому, как в боевой обстановке действовали такие командиры, как К. К. Рокоссовский, И. Д. Черняховский, П. И. Батов, Н. И. Крылов и другие. То есть, прежде чем отказываться от опыта Великой Отечественной войны в ряде вопросов, может быть, надо еще к нему приблизиться, глубже понять его, а потом уже идти дальше.

Например, одной из сильнейших сторон в полководческой деятельности И. Д. Черняховского была его деловитость, конкретность и умение тщательно подготовить операцию, организовать взаимодействие, все виды оперативного, тылового, технического обеспечения и добиться усвоения командирами всех степеней,

всем личным составом последовательности исполнения поставленных задач. После принятия решения и доведения задач до подчиненных он всецело сосредоточивался на этой работе.

Когда начальник штаба фронта А. П. Покровский составил план работы по подготовке Белорусской операции и предложил командующему поработать вначале в штабах армий, корпусов, дивизий, а затем — в частях и подразделениях, И. Д. Черняховский сказал: «Поезжайте в штабы, а я сразу поработаю в ротях и батальонах — если там все ладно, значит все звенья сработали правильно».

Во время войны вся деятельность командиров была настолько глубоко проникнута интересами проведения в жизнь замысла операций, органически слита с тончайшими особенностями обстановки, а методы организации боевых действий настолько конкретны и предметны, что во всем этом творческом и организаторском процессе не оставалось места для формализма, отвлеченных разговоров и теоретической риторики. Делалось только то, что нужно для предстоящего боя и операции.

Вот как, например, генерал Черняховский работал в 184-й стрелковой дивизии генерал-майора Б. Городовикова. Вместо подробного заслушивания решения, как это было раньше, он внимательно изучил карты решения (молча, сосредоточенно), затем задал несколько вопросов: где точно передний край противника, рубежи переноса артогня во время атаки, расчет времени на выдвижение танков с исходных позиций, откуда возможны контратаки и силы, средства для их отражения?

Заслушав ответы, кратко и четко уточнил порядок решения некоторых задач. При работе на переднем крае потребовал указать места проделывания проходов в минных полях противника и порядок их преодоления, сличил запланированные огни артиллерии на картах командиров стрелкового батальона и артиллерийского дивизиона. Обнаружив одну неточность, приказал командиру дивизии сличить все карты командиров стрелковых и артиллерийских подразделений. Дал команду выпустить два снаряда по одному из подготовленных участков огня. Убедился, что огонь подготовлен в основном точно. Прибыв в исходный район танков НПП, заслушал сжато доклад офицеров танкотехнической службы фронта о готовности танков к бою и после этого приказал командиру роты и механику-води-

телю головного танка вести его по маршруту выдвижения танков НПП. Дойдя до рубежа развертывания и убедившись, что командир роты знает места проходов в своих минных полях, поехал на позиции полковой артиллерийской группы. Никаких рассказов или словесных объяснений, как будет осуществляться выдвижение, смена позиций или выполнение других задач! Все проверялось только практически, в деле. За неполадки и погрешности в подготовке боевых действий был строжайший спрос. Назначался срок устранения недостатков. При повторении ошибок некоторые командиры отстранялись от должности и заменялись более энергичными и опытными.

Командиры с фронтовым опытом особенно ясно понимали, что самыми главными, решающими для успешного наступления являются два важнейших условия: первое — это тщательная разведка системы обороны и огневых средств противника, второе — точное наложение огня артиллерии и ударов авиации по конкретным выявленным целям для надежного их уничтожения и подавления. Если немного утрировать эту проблему, то из практики всех проведенных атак и наступательных боев становится все более очевидным, что если две эти задачи — разведка и огневое поражение — осуществлены точно и надежно, то даже при не очень организованной атаке достигалось успешное продвижение войск.

Любой опытный командир во время войны знал, что о нем будут судить не по тому, как он докладывает решение, внешне «правильно» организует бой, а единственно по тому, как будет выполнена боевая задача. Поэтому для него было бессмысленно обращать внимание на внешнюю сторону дела. Но об этом нужно помнить и в мирное время. Много и других подобных вопросов, по которым в недрах опыта Великой Отечественной войны и еще что-то полезное пока можно разглядеть.

В наше время многое должно делаться иначе. Но не могут устареть сам подход к решению оперативно-тактических задач, широкое творчество и методы конкретной организаторской работы, которые при этом проявлялись, тщательность и кропотливость отработки с подчиненными командирами и войсками всех подготовительных мероприятий, умение обучать войска именно тому, что от них может потребоваться в боевой обстановке, и многое другое, что определяет весь дух военного искусства.

В истории не раз после большой или локальной войны пытались представить дело таким образом, что от прежнего военного искусства ничего не осталось. Но следующая война, порождая новые способы ведения вооруженной борьбы, сохраняла и немало прежних. По крайней мере, до сих пор в истории еще не было такой войны, которая бы перечеркнула все, что было в военном искусстве до этого.

Для использования в будущем нужен не просто состоявшийся опыт, не то, что лежит на поверхности, а те глубинные, подчас скрытые устойчивые процессы и явления, которые имеют тенденции к дальнейшему развитию, проявляют себя порою в новых, совершенно других формах, чем это было в предшествующей войне. Вместе с тем следует учитывать, что каждая последующая война все меньше сохраняет элементы старого и все больше порождает новое. Поэтому требуется критический, творческий подход к опыту любой войны, в том числе и к опыту афганской и чеченской войн, где в немалой степени использовался опыт Великой Отечественной войны (особенно в деле предметной боевой подготовки подразделений к каждому бою с учетом предстоящей конкретной боевой задачи) и было выработано много новых приемов ведения боевых действий в локальной войне в специфических условиях горно-пустынной местности.

Военное искусство начинается там, где, с одной стороны, глубокие теоретические знания и творческое их применение помогают командиру лучше видеть общую связь происходящих явлений и увереннее ориентироваться в обстановке, с другой стороны, где командир, не сковывая себя общей теоретической схемой, стремится глубже проникнуть в суть реально сложившейся обстановки, уловить ее выгодные и невыгодные особенности и, исходя из их анализа, найти оригинальные решения и способы действий, в наибольшей степени соответствующие данным конкретным условиям обстановки и поставленной боевой задаче.

Самый большой враг военного искусства — это шаблон и схематизм. Эту истину мы после войны стали забывать. Но понимание этого надо восстановить.

В будущем, когда операции и боевые действия будут отличаться возросшим размахом, участием в них различных видов вооруженных сил и родов войск, оснащенных разнообразной сложной боевой техникой, высокой динамич-

ностью и маневренностью боевых действий, ведением их в условиях отсутствия сплошных фронтов, дистанционного поражения, резких и быстрых изменений обстановки, ожесточенной борьбы за захват и удержание инициативы и сильного радиоэлектронного противодействия, значительно усложнится управление войсками и силами флотов.

При больших скоростях ракет, авиации, повышенной подвижности войск, особенно в системе стратегических ядерных сил, ПВО, ВВС, управленческая боевая деятельность все больше будет приобретать характер реализации заранее разработанных вариантов решений, программирования и моделирования предстоящих боевых действий. Высокий уровень планирования операций и боевых действий станет главной предпосылкой успешного управления войсками.

Как уже было сказано, автоматизация, компьютеризация управления требуют совершенствования не только организационной структуры органов управления, но форм и методов работы командования и штабов. В частности, новейшие достижения науки свидетельствуют о том, что система управления в целом может быть эффективной только в том случае, если будет развиваться не только по вертикали, но и по горизонтали. Это означает, в частности, при соблюдении в целом принципа единоначалия всемерное расширение фронта работы, предоставление больших прав штабам, начальникам родов войск, служб. Они должны решать многие вопросы самостоятельно, согласуя их с общевойсковым штабом и между собой, так как при крайне ограниченном времени и быстром развитии событий командующий уже не в состоянии лично рассматривать и решать все важнейшие вопросы подготовки и ведения операции, как это было в прошлом. Нужна значительно большая инициативность и самостоятельность во всех звеньях. Но эти качества нужно вырабатывать еще в мирное время, закладывая их в общевойсковые уставы.

Поэтому так важно заранее предвидеть изменения характера вооруженной борьбы, новые требования, предъявленные к системе управления, и с учетом именно этих объективных факторов, а не подспудных соображений, определять оргструктуру, права и задачи органов управления, решительно избавляясь от негативных проявлений прошлого и максимально полно используя современный положительный опыт,

накопленный в вооруженных силах России, США, Китая и других стран.

В последнее время, когда на фоне американского подавляющего технологического превосходства в войне против заведомо слабых противников блеск военного искусства тускнеет, развернута информационно-дезинформационная кампания с целью изобразить, что традиционно русские, немецкие, французские военные школы, основанные на богатейшем опыте ведения больших войн и идеях передовых для своего времени военных мыслителей (таких как Суворов, Милютин, Драгомиров, Брусилов, Фрунзе, Тухачевский, Свечин, Жуков, Василевский или Шарнгорст, Мольтке, Людендорф, Фош, Кейтель, Рундштедт, Манштейн, Гудериан) изжили себя. Теперь, по мнению апологетов «виртуальных» войн, все прошлое военное искусство надо похоронить и воспринимать передовую американскую военную школу.

У американцев действительно многому можно научиться, особенно в создании выгодных

политических условий для ведения войны, в области высоких технологий. Но пренебрежение к национальному опыту других армий, подгонка военной организации всех стран под натовские стандарты со временем может привести к деградации военного дела. Военное сотрудничество, в том числе со странами НАТО, может принести пользу, если оно будет осуществляться путем обмена и взаимного обогащения опытом, а не путем навязывания или слепого копирования стандартов лишь одной армии без учета национальных традиций и других особенностей различных стран.

Таким образом, Великая Отечественная война является богатейшей сокровищницей боевого опыта. Обращаясь к нему, мы каждый раз находим все более ценные крупинки нового, которые рождают глубокие мысли и приводят к выводам большого теоретического и практического значения. Но весь этот опыт должен восприниматься критически и преломляться путем творческого подхода к решению современных проблем.